

ства к сосредоточению власти в одних руках, между крупнейшими кооперативными союзами существовали разногласия, которые очень влияли на состояние кооперации. Это привело к дискуссии о реальном воплощении в жизнь координирующего центра кооперативных объединений.

Дореволюционной кооперацией было много сделано существенных дел, начиная от производства и реализации продукции и кончая созданием небольших культурных очагов в городах и селах края. Это была мощная силовая структура, противовес спекулянтам и ростовщикам, защитник интересов большинства населения. Модель кооперации вполне устраивала большую часть жителей данной территории. Именно через кооперацию появилась возможность осмысления новых направлений в развитии сельского хозяйства и промышленности, что способствовало расширению торговых отношений не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Расширение торговых контактов способствовало притоку золота с западноевропейского континента вглубь страны. Кооперативная система деятельности обеспечивала перспективные возможности не только в совершенствовании трудовой деятельности человека, но и в появлении источника финансирования здравоохранительной системы и культурно-массовых мероприятий. Она проявляла большую заботу о подготовке собственных кадров, занималась издательской деятельностью. Таким образом, кооперация вносила существенные изменения в структуру управления хозяйственным институтом.

К.И. Зубков
(г. Екатеринбург)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РУССКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В ряде своих существенных черт капиталистическая модернизация России конца XIX — начала XX в. предстает как частное проявление более широкой и сложной проблемы русского пути модернизации, и именно в этом аспекте оставляет историкам множество неразрешенных вопросов. Первый из них — состоялась ли вообще модернизация в

России на рубеже XIX — XX вв. хотя бы как определившаяся доминанта развития (пусть и насильственно прерванная), или ее финал в 1917 г. лишь подчеркнул принципиальную неререформируемость традиционного российского общества на его собственной цивилизационной основе? Другой не менее сложный вопрос — сводится ли все содержание процесса модернизации к буржуазному прогрессу?

Разумается, процесс модернизации не может исчерпываться только развитием капиталистического уклада в экономике России, поскольку затрагивает более широкие социокультурные основания жизнедеятельности общества и его саморегуляции. Судить о том, в какой степени русская модернизация была буржуазной и какова социокультурная природа этой буржуазности, можно лишь рассматривая модернизационную тенденцию в ее отношении к русскому традиционализму. Традиционалистское и модернистское мировоззрения по разному понимают природу и смысл управляющих обществом социорегулятивных норм, а, следовательно, и проблему свободно-личностного фактора в развитии общества. Но феноменологически, например, во внешних проявлениях (империализм, великодержавность) или в социально-политических оппозициях (к марксизму и иному левому радикализму) они могут составлять труднорасчленимое целое. В этом случае отделить традиционное от модернистского можно лишь анализируя общество в разрезе различных присутствующих в нем проективных культур, но только до тех пределов, за которыми традиция и новация сплавлены не внешне, но реально.

Как показывает и общий ход развития капитализма в России, и опыт реформаторской деятельности С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, модернизация находилась с русским традиционализмом в устойчивом симбиозе, более того, питала его жизненную силу, вооружая новыми технологиями и рычагами властвования. Отсюда и демонтаж традиционной социальной структуры осуществлялся непоследовательно и в значительной степени избирательно: консервация одних структурных элементов традиционалистского уклада (политический строй, помещичье землевладение, сословная иерархия) соседствовала с попытками уничтожения других (отмена общины). В результате рождалось общество-«гибрид», в развитии которого наблюдались разноскоростные процессы. Например, достаточно динамичное развитие капитализма в экономике не сопровождалось в той же степени социальной реконструкцией. По существу, новые социальные силы — буржуазия и пролетариат — оставались в российском обществе маргинально-неполющенными и сословно не были

институционализированы. Налицо было и другое противоречие: с отменой крепостного строя в 1861 г. была фактически ликвидирована (если не в одночасье, то в ближайшей же исторической перспективе) феодальная монополия на трудовые ресурсы, но в значительном объеме была сохранена монополия казны, императорского двора и традиционалистских социальных групп на ресурсы экономические, в первую очередь первичные, составляющие базис экономики (леса, земли, минеральные богатства). Этот “перепад” исторических скоростей объективно создавал почву для известного укрепления традиционализма в лице авторитарно-бюрократического государства и обновления его ценностных и технологически структур средствами современного капитализма. И, наоборот, российский капитализм как фактор национальной мощи (и только в этом качестве) получал поддержку самодержавия, а экономический империализм опирался на империализм “военно-феодальный”. Объективно эта самодостаточная симбиотическая структура не только вела к блокированию решающих для успеха модернизации социокультурных сдвигов, но и почти предопределяла жесткую традиционалистскую контрреформу, идущую на этот раз “снизу”.

Эта противоречивость и ограниченность модернизации во многом объяснялась условиями ее инициирования. Обнаруживая себя в российских условиях в виде своеобразного “консервативного модернизма”, модернизация разворачивалась в иной онтологической плоскости, чем текущая русская политическая жизнь. Реально русская модернизация не была связана ни с левым, ни с правым флангами российского политического спектра, ни с его центром. Более того, модернизационный курс подвергался значительному давлению и критике и справа, и слева, и со стороны политического центра. Как и во времена Петра Великого, модернизация конца XIX — начала XX в. была результатом деятельности просвещенной, прагматически мыслящей государственной бюрократии, а потому и “демиургическое” государственное начало в ней доминировало над стихийным вызреванием в обществе новых лично-ориентированных социальных элементов и проявлением их политических притязаний. А это, в свою очередь, ясно указывает на внешний характер инициирования модернизации, связанный прежде всего с осознанием правительственными верхами растущей экономической, военной и институциональной отсталости России по сравнению с другими великими державами. Лишь в 1905 г. модернизация получает свое внутрисоциальное измерение в политических притязаниях новых

социальных сил, однако сразу вслед за революцией правительство вновь перехватывает историческую инициативу, и определенный им курс модернизации получает известное ускорение.

Принципиально новый момент, проявившийся в правительственном курсе модернизации, заключался в попытке его дальновидных проводников максимально полно учесть специфику того сложного социального агрегата, каким было на рубеже XIX—XX вв. российское общество, и наметить некий самобытный (в отличие от петровской вестернизации) национально-ориентированный путь преобразований. Поэтому критика правительства со стороны оппозиционных политических сил велась еще и с позиций воинствующего либерального европеизма. Наложение двух довольно разнородных контекстов осмысления модернизации — национально-консервативного и либерально-западнического — объективно усиливало социокультурную противоречивость реформистского пути развития и предопределяло вероятность его слома в результате любого дополнительного напряжения в системе, покоившейся на хрупком гомеостазе традиций и новаций.

А.П. Килин
(г. Екатеринбург)

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СЛОИ В РОССИИ — КОНФЛИКТ ИДЕЙ

Россия, в основных своих чертах, может характеризоваться как общество традиционного типа, со всеми присущими ему признаками, как то: ориентация на прошлое, преобладание аграрного сектора, доминирование устных форм коммуникации и пр. Сложившийся в таких условиях социум в основной своей массе сопротивляется новациям, консервативен и устойчив. Однако логика исторического процесса требовала изменений, и когда критическая масса нового была достигнута, наступила реакция традиционного общества, выразившаяся в революционном всплеске. Таким образом, в октябре 1917 г. произошел государственный переворот.

Частная инициатива в государстве диктатуры пролетариата не имела шансов приобрести своей полноценной и законченной формы.